А.А. Милованова

Айнский вопрос в отношениях России и Японии на современном этапе

Аннотация. Трансграничное положение айнского народа могло послужить основой формирования прочных дипломатических отношений России и Японии. Выступая в роли проводников и торговых посредников, переводчиков и информантов, айны являлись полноправными участниками межгосударственного диалога. Однако конфликт интересов в Северо-Восточной Азии шаг за шагом превращал исконные территории расселения айнов в предмет политических прений. Неоднократно перекраиваемая карта охотоморского региона, экономическое освоение его природных богатств надломили традиционную культуру и быт коренных народов, спровоцировав череду насильственных миграций и ассимиляцию аборигенного населения. Общим итогом территориальных размежеваний стали исчезновение курильской ветви и переселение большей части сахалинских айнов на остров Хоккайдо во время коллективных репатриаций японского населения бывшего губернаторства Карафуто в первые послевоенные годы. Акцент на моноэтничности в послевоенной риторике Японии на фоне общемирового движения за признание и соблюдение прав коренных народов привел к росту этнического самосознания айнов Хоккайдо. Лидерам движения удалось добиться значительных результатов: отмены дискриминационных законов и признания айнов коренным народом Японии. По другую сторону границы ситуация развивалась диаметрально противоположным образом. Предложенные советскими этнографами планы по восстановлению традиционной культуры айнов Сахалина остались без внимания, а сами они были исключены из списка коренных народов СССР накануне начала переговоров о восстановлении дипломатических отношений с Японией. Канув в реку забвения на полвека, айны вновь заявили о себе в начале 2010-х гг. Возродившаяся община айну (камчадалские курильцы) потребовала признания и внесения в реестр коренных народов Российской Федерации. В статье рассматривается феномен вторичной субъектности коренных народов в международных отношениях на примере влияния айнского вопроса на ход решения послевоенного территориального спора России и Японии о принадлежности Южных Курильских островов.

Ключевые слова: айны, коренные народы, трансграничность, Южные Курилы, ассимиляция, международные отношения.

Автор: Милованова Алина Александровна, лаборант, Учебно-научный институт антропологии и этнологии Российского государственного гуманитарного университета (УНИАиЭ РГГУ). ORCID: 0009-0000-1889-9382.
E-mail: milovanova.3121@mail.ru

Для цитирования: Милованова А.А. Айнский вопрос в отношениях России и Японии на современном этапе // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 1. С. 89—99. DOI: 10.48647/ИССА.2025.14.23.010.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Трансграничные народы Сибири и Дальнего Востока в составе России: истории успеха как фактор “мягкой силы”» (Программа фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2023—2025 гг.).

A.A. Milovanova

The Ainu issue in the context of current relations between Russia and Japan

Abstract. The cross-border situation of the Ainu people may serve as a basis for the establishment of strong diplomatic relations between Russia and Japan. As guides, trade intermediaries, translators, and informants, the Ainu have been active participants in interstate dialogue. However, the conflict of interests in Northeast Asia has gradually turned the ancestral lands of the Ainu settlements into a subject of political discussion. The redrawing of the map of the Okhotsk Sea region and the development of its natural resources has disrupted the traditional culture and lifestyle of the indigenous peoples, causing a series of forced migration and assimilation of the native population. The overall outcome of the territorial changes was the disappearance of the Kuril branch and the transfer of most Sakhalin Ainu to Hokkaido during the collective repatriation of Japanese residents from the former Karafuto prefecture in the early post-war period. The focus on monoculturalism in Japan's post-war discourse, against the backdrop of global movements for the recognition and protection of indigenous rights, led to an increased emphasis on Ainu identity in Hokkaido. Leaders of the movement achieved significant results, including the abolition of discriminatory legislation and recognition of the Ainu as a distinct people of Japan. However, on the other side of the border, developments were quite different. The plans proposed by Soviet ethnographers to preserve the traditional culture of the Ainu people of Sakhalin Island were disregarded, and the Ainu themselves were excluded from the official list of indigenous peoples of the Soviet Union on the eve of negotiations to restore diplomatic relations with Japan. After half a century in relative obscurity, the Ainu resurfaced in the early decades of the 21st century. The newly revitalized Ainu community, known as the Kamchadal Kuriles, demanded recognition and inclusion as an indigenous people within the Russian Federation. This article examines the phenomenon of secondary indigenous identities in international relations, using the Ainu case as an example of how the Ainu issue has influenced the resolution of the post-World War II territorial dispute over the Southern Kuril Islands between Russia and Japan.

Keywords: Ainu, indigenous peoples, cross-border, South Kuril Islands, assimilation, international relations.

Author: Milovanova Alina A., Laboratory Assistant, Russian state university for the humanities, the Educational and Scientific Institute of Anthropology and Ethnology of RSUH. ORCID: 0009-0000-1889-9382. E-mail: milovanova.3121@mail.ru

For citation: Milovanova A.A. The Ainu issue in the context of current relations between Russia and Japan. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 1, pp. 89–99. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2025.14.23.010.

Funding. The article was prepared within the framework of the project “Cross-border peoples of Siberia and the Far East within Russia: success stories as a factor of ‘soft power’” (Program of fundamental and applied scientific research “Ethnocultural diversity of Russian society and strengthening of national identity” 2023–2025).

Введение

Послевоенная система международных отношений претерпела значительные изменения. Обсуждение вопросов, касающихся обеспечения прав коренных народов, чьи территории проживания были инкорпорированы в состав того или иного государства, а традиционный образ жизни вследствие административной, экономической и культурной стандартизации подвергся стигматизации и ассимиляции, ныне «возвращает» представителям этнических меньшинств некогда потерянную *субъектность*. Возрождение языковых и культурных практик зачастую является основным критерием признания коренного народа со стороны государства, необходимого для получения различных льгот и преференций. Политические действия, направленные на обеспечение равенства доступа к ресурсам, в некоторых случаях реализуются в системах квот на преимущественное пользование природными ресурсами, символической реституции земель исконного проживания. Столь же порой символической, как и само культурное возрождение, отражающее не самосознание этнического сообщества, а экономические интересы определенной группы людей. Таким образом, отказ от действительности, выраженный запоздалыми попытками вернуть искорененное многообразие языков, локальных практик хозяйствования, форм земельной собственности, верований, создает почву для конструирования беспорядочного множества этнических идентичностей, потенциальных очагов нестабильности в регионе.

Данное обстоятельство особенно чувствительно для приграничных регионов, где территория исконного проживания этнического сообщества оказывается изрезана государственной границей, и *новая субъектность* трансграничных народов является, таким образом, неотъемлемой частью международных отношений. В статье рассматривается роль айнов в становлении российско-японских дипломатических отношений, а также влияние айнского вопроса на ход решения территориального спора о принадлежности Южных Курил в настоящее время.

Делимитация границ на островах северной части Тихого океана

Айны — коренной народ Хоккайдо, Сахалина и Курильских островов. Оказавшись на перепутье большой политики, сахалинская и курильская этнотерриториальные группы айнов были вытеснены с мест исконного проживания: насильственные переселения как следствие неоднократного изменения российско-японской границы способствовали ограничению ареала их обитания преимущественно островом Хоккайдо. Кратко опишем место айнов в концептуа-

лизации «северной угрозы», связанной с расширением российского влияния на коренных жителей Курил и Сахалина [Бух: 50].

Во второй половине XVIII в. фиксируются первые геополитические столкновения интересов Токугавской Японии и Российской империи. Растущее присутствие русских на Курилах и Сахалине и усиливавшееся с течением времени закабаление местного населения японскими купцами-рыбопромышленниками, вылившееся в вооруженное восстание айнов в 1789 г., побудили сегунат установить прямое управление айновскими колониями. Осознание стратегических угроз, связанных с распространением российского влияния на айнов посредством просвещения и дружелюбной политики, побуждало часть японской элиты рассматривать айнов как объект колонизации. Культурная ассимиляция населения Хоккайдо и близлежащих островов стала неотъемлемой частью закрепления японского присутствия на островах северной части Тихого океана.

В Японии второй половины XIX в., пережившей падение дома Токугава и реставрацию императорского правительства, распространяются европейские идеи исторического прогресса и Просвещения. Дискурс об этнической структуре Японии претерпевает ряд изменений, колеблясь между утверждениями этнической однородности и гетерогенности формирующейся империи. Первым объектом колонизации становится остров Хоккайдо. Утверждение доминирующей в западном дискурсе дихотомии цивилизации и варварства среди японских элит оказывало непосредственное влияние на восприятие айнов. Культурная и языковая ассимиляция пространственно мобильного, широко рассеянного безгосударственного сообщества на ранних этапах представлялась исключительно стратегическим средством закрепления на северном направлении и противостояния российской экспансии на Дальнем Востоке. Однако в модернизирующейся космологии империи успех японизации туземцев был значимым шагом как для колониальной политики, так и с точки зрения конструирования национальной идентичности японцев [Бух: 51].

Отношения между айнами и японцами в период расширения японской экспансии 1868—1945 гг. четко вписывались в европейскую модель международных отношений, согласно которой национальные государства являлись их единственными полноправными участниками, в то время как прочие *не-государствообразующие* этнические сообщества считались безмолвными реципиентами внешнеполитических устремлений соседних стран [Morris-Suzuki: 8]. Первый раунд переговоров об определении государственной границы на островах северной части Тихого океана в 1855 г. закрепил за Россией Курильские острова, но оставил неопределенным статус Сахалина. В 1875 г. эти договоренности были пересмотрены, и Курилы были переданы Японии в обмен на отказ от японского суверенитета над Сахалином.

Трагедия северокурильских и сахалинских айнов

К моменту первой официальной делимитации границ в регионе северной части Тихого океана на Курильском архипелаге существовало две разновидности айновской культуры — северокурильская и южнокурильская. Айны Южных Курил

культурно были близки хоккайдским, а коренные жители Северных Курил вплоть до прихода русских землепроходцев в конце XVII столетия жили обособленно, имея лишь косвенные связи с Японией через торговлю с южнокурильскими айнами (айну). Культурная дивергенция в первой половине XIX в. возросла. Южане подверглись японизации как части государственной программы защиты северных границ от русского проникновения. Северяне оказались под сильным влиянием русской культуры — перенимали атрибуты русского быта, носили русские имена и одежду, владели русским языком. Однако русификация курильцев, хотя и протекала быстрее и успешнее японизации, не являлась целенаправленной политикой России [Стефан: 143—144].

В 1875 г. айнов, оставшихся на расположенных в непосредственной близости от российской территории островах Шумшу и Парамушир, было решено переселить на расположенный намного южнее о. Шикотан. Причинами послужили дороговизна и сложность осуществления поставок продовольствия, медикаментов и прочих товаров на Северные Курилы, а также соображения национальной безопасности. Несмотря на меры социальной поддержки, властям провинции Нэму-ро так и не удалось наладить быт переселенцев, которые к тому же продолжали цепляться за русские обычаи, имена и веру, сохраняя тем самым свою культурную автономность. Большая часть южнокурильских айнов к тому времени погибла от занесенной на острова оспы [Стефан: 144]. Таким образом, история курильских айнов закончилась в середине XX в.: последний представитель южнокурильских айнов умер в 1973 г., а северокурильских — в 1940-х гг. [Тураев: 220—222].

В отличие от северных и южных курильцев, культурное разделение айнов Южного Сахалина являлось прямым следствием формирования российской и японской сфер влияния и неоднократного перекраивания политической карты острова. Сахалинские айны оказались разделены после заключения Санкт-Петербургского договора 1875 г., по итогам которого остров перешел под юрисдикцию России, и японские рыболовные промыслы были спешно эвакуированы на Хоккайдо. Тяжелая экономическая ситуация айнов побережья Анивского залива, лишившихся постоянного заработка, вынудила их уехать вслед за японцами. Группа численностью около 800 человек поселилась в долине реки Исикари, образовав общину сахалинских эмигрантов на Хоккайдо [Шубина: 136]. Поражение России в войне 1904—1905 гг. позволило вынужденным мигрантам *исикари-айну* возвратиться на Южный Сахалин, где было образовано губернаторство Карафуто.

Одним из основных инструментов формирования лояльности метрополии японское правительство видело школьное образование. Потому в 1908 г. был разработан план создания «бураку», туземных поселений. Администрация губернаторства Карафуто приступила к исполнению этой программы в 1912—1915 гг.: первыми поселенцами стали *исикари-айну*, вновь переселенные на Сахалин. Таким образом, именно эта группа айнов Сахалина оказалась наиболее подверженной японизации.

Большая часть айнов покинула Сахалин в период первой волны послевоенной репатриации японского населения 1946—1949 гг. Несмотря на усилия первого начальника Гражданского управления Южным Сахалином и Курилами

Д.Н. Крюкова, составившего докладную записку о положении южносахалинских айнов и призывавшего признать их коренным малочисленным народом СССР, советская сторона была мало заинтересована в айнах. Во-первых, они трудились в основном на рыбных промыслах и были крайне малочисленны [Дин Ю.И. «Репатриация» айнов...: 92]. Во-вторых, с 1933 г. айны были внесены в списки «найчидзинов», т. е. юридически считались японцами, потому, дабы избежать будущих претензий со стороны Японии, СССР предпочел не акцентировать внимание на айнском вопросе [Дин Ю.И. Население Карафуто...: 34].

Вторичная субъектность

Отчуждение земель у коренного населения приграничья вкупе с ассимиляционной политикой, экономическим освоением и перемещением лояльного населения ближе к границе — ключевые факторы колонизации периферии, превращения ее в контролируемую, управляемую и экономически доходную зону [Скотт: 34]. Наивно было бы полагать, что столетия ассимиляции и перекраивания традиционного жизненного уклада никак не отразились на *базовых культурных детерминантах* коренных малочисленных народов. Показательно, что в одном из первых документов о правах коренных народов, конвенции № 107 Международной организации труда «О защите и интеграции коренных народов и народов, ведущих племенной и полуплеменной образ жизни в независимых государствах» от 1957 г., интеграция и ассимиляция рассматривались как наилучший способ защиты благосостояния коренных народов. Данный документ был пересмотрен лишь в 1989 г. — новая конвенция МОТ № 169¹ призывает уважать культуру и традиции, в ней также содержится раздел о земельных правах коренных народов [Бух: 52]. Таким образом, реституция земель по-прежнему является одним из основных пунктов программы борьбы коренных меньшинств за свои права — подверженные территориально-статусной трансформации многие из них формируют представления об исконной территории проживания, используя их в том числе в качестве метафоры времени *до* завоевания. Будучи концептуализированным в тексте международного соглашения, стремление реализовать земельные права и права пользования природными ресурсами, относящимися к ним, составляет новую детерминанту этнической идентичности коренных народов.

Подъем айнского национального движения в Японии в 1970-х гг. происходил на фоне изменений международного дискурса о правах коренного населения — поиска пути развития вне рамок прежней парадигмы модернизации. «Ассоциация айнов Хоккайдо» была основана в 1930 г. и первоначально выступала за уравнение социально-экономического положения айнов и японцев. Со временем крупнейшая айнская организация сменила курс на защиту прав айнов, добившись либерализации в аборигенной политике и официального признания айнов коренным народом Японии в 2008 г. Каяно Сигэру, один из главных идей-

¹ Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (дата обращения: 15.03.2025).

ных вдохновителей айнского национального движения, в 1994 г. был избран членом верхней палаты парламента от социалистической партии Японии. В 1997 г. ему удалось добиться отмены дискриминационного закона «О защите бывших аборигенов Хоккайдо» 1899 г., имевшего следствиями отчуждение охотничьих и рыболовных угодий хоккайдских айнов и обнищание коренного населения острова [Чекункова Е.С. Новое японское законодательство...: 74]. Наконец, в апреле 2019 г. был принят последний на данный момент закон «О продвижении мер по созданию общества, в котором уважается гордость народа айну». Новая этническая политика государства нацелена на поддержание и развитие традиционной культуры айнов и недопущение дискриминации, не предусматривая при этом никаких мер наказания в случае его нарушения [Чекункова Е.С. Глава 10...: 246].

Иными словами, несмотря на определенные успехи на политическом фронте, айнскому национальному движению по сей день не удалось добиться реализации прав на землепользование и распоряжение природными ресурсами. Этническая политика в отношении единственного признанного коренного народа Японии носит косметический характер: меры по продвижению культуры и языка реализуются в развитии этнотуризма и строительстве музейных комплексов на Хоккайдо, что лишь усугубляет эрозию этнической специфики айнов [Арутюнов: 59].

Айнский вопрос в российско-японских отношениях на современном этапе

Трансграничное положение айнского народа всегда было значимым аспектом формирования внешнеполитических отношений России и Японии. Политизированная в современном мире этничность предоставила коренному народу российско-японского пограничья *вторичную субъектность*, основанную во многом на требовании реституции территорий исконного проживания. Оказавшись отчасти вписанными в контекст проблемы «северных территорий», неразрешенный со времен окончания Второй мировой войны пограничный спор России и Японии о государственной принадлежности группы Южных Курильских островов (Итуруп, Кунашир, Шикотан и архипелаг Хабомаи), айнский вопрос ни для одной из сторон не является сугубо внутривнутриполитическим. Взаимовлияние процессов национального возрождения трансграничного народа и послевоенного территориального спора трудно переоценить.

Проект возвращения Южных Курил под юрисдикцию Японии был осмыслен как ирредентистская концепция «национальной миссии». Рост этнополитического активизма айнов Хоккайдо, в свою очередь, подрывал дискурс о Северных территориях как «исконно японских». По утверждению Каяно Сигэру, упомянутого нами ранее единственного парламентария айнского происхождения в истории Японии, «обсуждение судьбы островов ведется поверх голов их подлинных владельцев» [Бух: 56]. Помимо требований включить айнов в ход российско-японских переговоров, звучали предложения создать айнскую автономию на Южных Курилах. Например, в апреле 1992 г. руководитель Совета айнов Курил и

Сахалина Ацуси Тоиока призвал правительства России и Японии создать на территории Курильских островов автономный округ под управлением ООН, тем самым предложив участникам спора прийти к компромиссному решению [Высок: 26]. Инициатива была проигнорирована обеими сторонами.

В СССР демаркационный спор с Японией сыграл решающую роль в истории послевоенного устройства айнов как коренных жителей Южного Сахалина. Приказом № 418с Главлита «О запрете опубликования в открытой печати каких-либо сведений о народности айны в СССР» от 07.02.1953 г. они были исключены из списка коренных народов Советского союза, в том числе из опасения, что «айнский аргумент» может быть использован как орудие в оспаривании прав на Курилы и Южный Сахалин в ходе возможной ревизии итогов Второй мировой войны [Роон: 143—144].

Данные обстоятельства, послевоенная «репатриация» сахалинских айнов в Японию и исключение айнов из реестра коренных народов СССР, вкупе с возрожденным и в определенной степени успешным национальным движением айнов Хоккайдо привели к появлению еще двух этнополитических айнских проектов. В 2001 г. в Японии была основана «Ассоциация сахалинских айнов». В 2011 г. они направили губернатору Сахалинской области А.В. Хорошавину письмо, в котором спрашивали о возможности вернуться на историческую родину и получить землю, которой владели их предки до 1945 г. [Тураев: 224]. Мамору Тадзава, президент «Ассоциации сахалинских айнов» принимал деятельное участие в обсуждении нового законопроекта об айнах 2019 г. — в его обращении к японскому правительству¹ содержались предложения «восстановить» суверенитет айнов и привлечь российское правительство к совместной работе по обеспечению защиты и реализации прав айнов. Мамору Тадзава посетил российский Сахалин в августе 2011 г., чтобы провести ритуал поклонения могилам предков [Майнагашева: 292—293]. Несмотря на то, что в настоящее время на Сахалине проживает незначительное число потомков айнского населения, они не стремятся к консолидации и этническому возрождению айнов в России, предпочитая записываться представителями иных коренных малочисленных народов, таких как нивхи. Это необходимо для получения квот на преимущественное пользование водными биоресурсами [ПМА, 2024. Июнь].

Еще один проект возрождения айнской общины связан с именем Алексея Накамуры, российского этнического активиста, в 2010-х гг. продвигавшего инициативу внесения потомков северокурильских айнов, переселенных на юг Камчатского полуострова после передачи Северных Курильских островов Японии в 1875 г., в реестр коренных малочисленных народов России. Вопреки данным результатов Всероссийской переписи населения 2021 г., которые показали, что в России проживают 300 человек, идентифицирующих себя айнами, эти сведения не были верифицированы и основываются не на результатах работы переписчиков, а на списке фамилий, поданному А.В. Накамурой напрямую в правительст-

¹ Заявление Мамору Тадзавы. URL: <https://ainupolicy.jimdofree.com/市民会議の提案-声明/日本政府-アイヌ新法案-2019-に異論あり/樺太アイヌ協会-日本政府のアイヌ新法案撤回を求める声明書-2019> (дата обращения: 15.03.2025).

во края [ПМА. 2024. Август]. Несмотря на то, что этноконструктивистский проект А.В. Накамуры нацелен преимущественно на получение квот на пользование природными ресурсами, в интервью газете «Камчатское время» в 2004 г. этноактивист проиллюстрировал трагедию своего народа ссылкой на существующий демаркационный спор вокруг Южных Курильских островов [Ямпольский].

Заключение

Таким образом, ретроспективное переосмысление трагедии северокурильских и сахалинских айнов в настоящее время, вдохновленное во многом получением *вторичной субъектности* айнского народа в Японии, находит свое отражение в этноконструктивистских проектах по обе стороны российско-японской границы. Стремление инъецировать псевдоразличие в айнском национальном движении способно в перспективе оказать влияние не только на внутреннюю этническую политику России и Японии, но и на динамику международных отношений.

Роль коренных народов трансграничья должна быть исследована в соответствии с изменяющимися условиями современного мира. В отношении формирования внутренней этнической политики необходимо разделять понятие о сохранении традиционного образа жизни. Оба варианта развития событий затрагивают вопрос о жизнеобеспечении, но в первом случае это сохранение традиционного хозяйствования как наиболее выгодной экономической стратегии, а с другим — показное «одичание» с целью получения государственных преференций и квот на преимущественное природопользование (вопрос становится еще острее, если это самое «традиционное хозяйствование» намеренно подгоняется под существующие квоты). Внешнеполитическая же роль трансграничных народов может быть использована как во благо — стать, к примеру, основой укрепления международного сотрудничества в сфере защиты прав коренных народов, так и во зло, ведь стремлением реализации земельных прав коренного меньшинства государство может оправдать собственные территориальные притязания.

Библиографический список

Арутюнов С. А. Этничность, сходящая на нет // Вестник антропологии. 2017. № 1 (37). С. 41—63.

Бух А. Япония. Национальная идентичность и внешняя политика. Россия как другое Японии. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 124 с.

Высоков М. Сахалин и Курильские острова. Хроника XX столетия // Южно-Сахалинск. 2000. № 92 (241), 20 октября.

Дин Ю.И. «Репатриация» айнов Южного Сахалина после Второй мировой войны // Россия и АТР. 2021. № 4(114). С. 85—95. DOI: 10.24412/1026-8804-2021-4-84-96.

Дин Ю.И. Население Карафуто (Южного Сахалина) по материалам японских переписей 1925, 1930, 1935 гг. // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3(31). 2021. С. 20—40. DOI: 10.51255/2311-603X_2021_3_20.

Майнагашева Е.В. Поездка потомков сахалинских айнов на родину предков (по следам одной командировки) // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей. 2012. № 19. С. 293—296.

ПМА. Полевые материалы автора. Экспедиция в Камчатский край. 2024. Август.

ПМА. Полевые материалы автора. Экспедиция в Сахалинскую область. 2024. Июнь.

Роон Т.П. В лабиринте истории и политики: советские исследования сахалинских айнов // Этнографическое обозрение. 2020. № 4. С. 132—139. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150010838-1>.

Скотт Дж.С. Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии / пер. с англ. И.М. Троцук. Новое издательство, 2017. 568 с.

Стефан Д. Курильские острова. Русско-японский рубеж на Тихом океане / пер. с англ. В.В. Переславцева // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск: Общество изучения Сахалина и Курильских островов. 1990. № 1. С. 112—147.

Тураев В.А. Этническая история айнов Сахалина и Курильских островов в контексте российско-японских территориальных размежеваний // Россия и АТР. 2018. № 2(100). с. 213—227. DOI: [10.24411/1026-8804-2018-00028](https://doi.org/10.24411/1026-8804-2018-00028).

Чекункова Е.С. Глава 10. «Экспедиция в Парламент Японии»: вклад Каяно Сигэру в сохранение исторической памяти об айнах как коренном народе Японии / Четыре века экспедиций в земли айнов. Коллективная монография / под ред. В.В. Щепкина; Институт восточных рукописей РАН. СПб.: Арт-Экспресс, 2022. С. 245—259.

Чекункова Е.С. Новое японское законодательство в отношении айнов: проблема соответствия международным стандартам в сфере прав коренных народов // Японские исследования. 2022. № 3. С. 69—83. DOI: [10.55105/2500-2872-2022-3-69-83](https://doi.org/10.55105/2500-2872-2022-3-69-83).

Шубина О.А. Коллекция исикари-айнов в фондах Британского музея // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей. 1997. № 4. С. 134—139.

Ямпольский В. Трагедия айнов — трагедия российского Дальнего Востока // Камчатское время. URL: http://kamtime.ru/old/archive/08_12_2004/13.shtml (дата обращения: 28.12.2024).

Morris-Suzuki T. Creating the frontier: border, identity and history in Japan's Far North // East Asian History: 1994. № 7. Pp. 1—25.

References

Arutiunov S. A. Etnichnost, skhodiashchaia na net [Ethnicity Obliterated]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology], 2017, no. 1 (37), pp. 41—63. (In Russ.).

Bukh A. Iaponiia. Natsionalnaia identichnost i vneshniaia politika. Rossiia kak drugoe Iaponii [Japan's national identity and foreign policy. Russia as Japan's "Other"]. Moscow: New literary review, 2012. 124 p. (In Russ.).

Vysokov M. Sakhalin i Kurilskie ostrova. Khronika XX stoletiiia [Sakhalin and the Kuril Islands: A Chronicle of the 20th Century]. "Yuzhno-Sakhalinsk" newspaper, 2000, no. 92 (241), 20 October. (In Russ.).

Din Yu. I. «Repatriatsiia» ainov Iuzhnogo Sakhalina posle Vtoroi mirovoi voiny [“Repatriation” of Ainu of South Sakhalin after the Second World war]. *Rossiia i ATR* [Russia and the Pacific], 2021, no. 4(114), pp. 85—95. (In Russ.). DOI: [10.24412/1026-8804-2021-4-84-96](https://doi.org/10.24412/1026-8804-2021-4-84-96).

Din Yu. I. Naselenie Karafuto (Yzhnogo Sakhalina) po materialam iaponskikh perepisei 1925, 1930, 1935 gg. [The population of Karafuto by the data of Japanese censuses in 1925, 1930, 1935]. *Peterburgskiy istoricheskii zhurnal* [Saint-Petersburg Historical Journal], 2021, no. 3(31), pp. 20—40. (In Russ.). DOI: [10.51255/2311-603X_2021_3_20](https://doi.org/10.51255/2311-603X_2021_3_20).

Mainagasheva E. V. Poezdka potomkov sakhalinskikh ainov na rodinu predkov (po sledam odnoi komandirovki) [The journey of the descendants of the Sakhalin Ainu people to their ancestral home (following in the footsteps of a previous business trip)]. *Vestnik Sahalinskogo muzeya. Yuzhno-Sahalinsk: Sahalinskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey* [Herald of the Sakhalin Museum. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin regional Museum of local lore], 2012, no. 19, pp. 293—296. (In Russ.).

PMA. Polevye materialy avtora [The author's field materials]. *Ekspeditsiya v Ekspeditsiya v Sahalinskuyu oblast'* [Expedition to the Sakhalin region], 2024, June. (In Russ.).

PMA. Polevye materialy avtora [The author's field materials]. *Expedition to the Kamchatka territory* [Ekspeditsiya v Kamchatskiy kray], 2024, August. (In Russ.).

Roon T. P. V labirinte istorii i politiki: sovetskie issledovaniia sakhalinskikh ainov [In the labyrinth of history and politics: Soviet studies of the Sakhalin Ainu (1946—1949)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2000, no. 4, pp. 132—139. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086954150010838-1.

Skott Dzh. S. Iskusstvo byt' nepodvlastnym: Anarkhicheskaia istoriia vysokogorii Iugo-Vostochnoi Azii [The Art of Not Being Governed. An Anarchist History of Upland Southeast Asia]. Moscow: New publishing house, 2017. 568 p. (In Russ.).

Stefan D. Kurilskie ostrova. Russko-iaponskii rubezh na Tikhom okeane [The Kuril Islands. The Russian-Japanese frontier on the Pacific Ocean]. *Kraevedcheskiy byulleten'. Yuzhno-Sahalinsk: Obshchestvo izucheniya Sahalina i Kuril'skih ostrovov Kraevedcheskii biulleten* [Local history bulletin. The Society for the Study of Sakhalin and the Kuril Islands], 1990, no. 1, pp. 112—147. (In Russ.).

Turaev V. A. Etnicheskaia istoriia ainov Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov v kontekste rossiisko-iaponskikh territorialnykh razmezhevanii [Ethnic History of the Ainu of Sakhalin and the Kuril Islands in the Context of Russian-Japanese Territorial Delimitation]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Pacific], 2018, no. 2(100), pp. 213—227. (In Russ.). DOI: 10.24411/1026-8804-2018-00028.

Chekunkova E. S. Chapter 10. “Ekspeditsiia v Parlament Iaponii”: vklad Kaiano Sigeru v sokhranenie istoricheskoi pamiati ob ainakh kak korennom narode Iaponii [“Expedition to the Parliament of Japan”: Kayano Shigeru's contribution to preserving the historical memory of the Ainu as an indigenous people of Japan]. *Chetyre veka ekspeditsii v zemli ainov* [Four centuries of exploration of the lands of the Ainu]. Edited by V. V. Shchepkin. The Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg: Art-Express, 2022, pp. 245—259. (In Russ.).

Chekunkova E.S. Novoe iaponskoe zakonodatelstvo v otnoshenii ainov: problema sootvetstviia mezhdunarodnym standartam v sfere prav korennykh narodov [Ainu Policy Promotion Act: The problem of compliance with international standards on the rights of indigenous peoples]. *Yaponskie issledovaniya* [Japanese Studies], 2022, no. 3, pp. 69—83. (In Russ.). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-69-83.

Shubina O. A. Kolleksiia isikari-ainov v fondakh Britanskogo muzeia [The Ishikari-Ainu collection in the collections of the British Museum]. *Vestnik Sahalinskogo muzeya. Yuzhno-Sahalinsk: Sahalinskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey* [Herald of the Sakhalin Museum. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin regional Museum of local lore], 1997, no. 4, pp. 134—139. (In Russ.).

Yampolskii V. Tragediia ainov — tragediia rossiiskogo Dalnego Vostoka [The Ainu tragedy is the tragedy of the Russian Far East]. *Kamchatskoe vremia* [Kamchatka time]. URL: http://kamtime.ru/old/archive/08_12_2004/13.shtml (accessed: 28.12.2024). (In Russ.).

Morris-Suzuki, Tessa. *Creating the frontier: border, identity and history in Japan's Far North*. East Asian History, 1994, no. 7, pp. 1—25.

Поступила в редакцию: 11.01.2025
Принята к публикации: 24.03.2025

Received: Jan 11, 2025
Accepted: Mar 24, 2025